

Сергей БОРОВИКОВ

БОРОДА

У наших родителей бывали и свои исторические отметины.

Моя мама обязательно поясняла: «Ты родился, когда отменили карточки»...

Или наоборот, карточки отменили, когда я родился?

Нет, мама не спутала бы первенство личного события перед всеобщим.

Возник-то я 21 февраля, а решение Политбюро ЦК ВКП(б) «Об отмене карточной системы и денежной реформе» помечено 13 декабря 1947 года, так что почти год жил при карточках, но ей, конечно, помнилось главное событие года.

Посмотрел, что это был за год. Начал почему-то с кино. Советское было тогда в упадке, и фильмы в основном идейная скука и гадость вроде «Русского вопроса», а лучшее это «Золушка» и «Подвиг разведчика».

Ещё в 1947 году были сняты черно-белые киноленты «Робинзон Крузо» и «Машина 22-12» («Счастливый рейс») с Николаем Крючковым и Михаилом Жаровым в главных ролях, а тоже всеми любимый Павел Кадочников побывал не только тайным агентом, но Робинзоном Крузо, причём его Пятницей был Юрий Любимов, и, надо сказать, будущий худрук Таганки в негодном виде хорош.

Две последние ленты были стереоскопическими. В 1935 году инженер С.П. Иванов запатентовал систему «растровой безочковой стереопроекции», так что спецочки не требовались, и в 1953 году я с родителями побывал в стереокинотеатре кажется под гостиницей «Москва» на «Счастли-вом рейсе». Ерунда.

И принялся за литературу, и взялся сопоставлять, что появилось там, но что толку знать, что Сталинскую премию¹ степени получил Эльмар Грин (Александр Якимов) за повесть «Ветер с юга», где место действия Карелия, ставшая шестнадцатой республикой СССР, а во Франции вышла «Чума» Альбера Камю, а Пулитцеровскую премию получил Роберт Пенн Уоррен за роман «Вся королевская рать», а нобелевку дали Андре Жиду, которого я, как и Эльмара Грина, не читал.

Актёров-сверстников у меня оказалось немало, а вот писатель один, зато Стивен Кинг.

А ещё в тот год пышно отметили 800 лет Москве, что было вишенкой на торте нещадно возводимого режимом культа столицы, реально подпитываемого восхищением приезжающих иногородних, кажется тогда и вошло в оборот это унижительное определение, стилистически аукающее со словом незаконнорожденный.

Да, впервые я попал в Москву летом 1953 года. Мы оказались там проездом в Гагру и несколько дней жили у земляков в высотке на Котельнической набережной¹. Скульптор Кибальников, став к тому времени дважды лауреатом Сталинской премии, вошёл в ряд самых преуспевающих коллег монументалистов, где и пребудет до конца дней, получая всё новые должности, премии и крупные заказы.

Что это была за каста?

Их было всего пять человек: Вучетич, Кибальников, Томский, Кербель, Манизер, и все они быстро сколотились именно в послевоенные годы. Власть ежегодно отсыпала им Сталинские премии, у Томского и Вучетича их было аж по пять.

¹ Квартира пока была двухкомнатная, но после смерти Николая Охлопкова им перейдут его четыре комнаты.

Группой они были для тех, кто покушался на соцреализм, а меж собой бились насмерть, когда намечался монументальный заказ. Кибальников рассказывал, как нанятые Женькой Вучетичем некогда приходили покричать на обсуждение проектов памятника Маяковскому, когда воевали две группы наследников – Лили Брик и сестры, бывшие за Кибальникова.

Самое важное уточнение: был ли имярек вольным ваятелем или же скульптором-монументалистом. Конечно, и вторые могли что-то сделать для души, и лучшей работой Кибальникова был мраморный бюст дочери, но главным смыслом и доходом были монументы на государственный заказ, по-современному грант.

Его и тогда и сейчас получить непросто, но, кажется, главное отличие было в том, что современные требуют от обладателя гранта обязательного формального участия какого-нибудь государственного учреждения, что лишает львиной доли дохода, но освобождает от финансовой канители. Тогда же госзаказ предполагал полное владение суммой гранта, и привлечение в делах многих людей, от бухгалтера до коллег в непосредственном изготовлении скульптуры.

Вот, к примеру, информация 1965 года¹: «После присвоения Брестской крепости почетного звания “Крепость-герой” было решено создать творческую группу с привлечением участников конкурсов. Авторский коллектив возглавил скульптор А.П. Кибальников – народный художник БССР, лауреат Ленинской и двух Государственных премий, в него вошли: скульптор А.О. Бембель, архитекторы В.А. Король, В.М. Волчек, В.П. Занкович, Ю.И. Казаков, О.А. Стахович, Г.В. Сысоев». А открыли брестский мемориал в 1971 году. И все эти шесть лет Кибальников был еще и главой огромного коллектива, от него исходили зарплаты водителям, техникам, грузчикам, машинисткам, чертёжникам, кассирам и т. д. и т. п.

Самым помпезным и вульгарным стал комплекс на Мамаевом кургане Евгения Вучетича², главного в процветающей ваятельной шайке, куда не вошли ни Конёнков, ни Эрзя, ни Меркуров, ни Матвеев, ни Мухина. Кому интересно, как мне, легко могут ознакомиться с длинными списками их достижений, вроде вучетичевского 40-метрового Сталина на канале Волга–Дон, или что в стране было установлено 18 памятников Ленину работы Томского.

В Саратове мы жили в старом двухэтажном доме на улице Малая Казачья, а Кибальниковы в таком же на Бабушкином взвозе. Но когда случились две Сталинских премии за бюсты Чернышевского и Сталина, дали квартиру в обкомовском доме на Советской – угол Горького. У Кибальниковых остановились не по большой дружбе, а потому что в гостинице было дорого.

Конечно любопытно, что моё знакомство не только со столицей, но и вообще с комфортабельным жильем, выпало на самый престижный дом Москвы, где ребёнок не мог оценить заоблачную роскошь вестибюля в росписях знаменитых художников или американскую бытовую технику. А впечатленьями стали ало горящие стрелы в лифте, телевизор КВН с большой, как аквариум, линзой и особенно мусоропровод, бывший на кухне, потому что домработница спускала туда отходы, и грохот разбивающихся в долгой трубе бутылок метафизически предсказывал мне будущее.

Хозяева жили втроем: Александр Павлович, жена Александра Григорьевна, их дочь Валентина. В Саратове оставалась родственница, которая бывала у нас и дарила мне маленькие ещё влажные гипсовые скульптурки, помню Тараса Бульбу на костре, как на работе Е. Кибрика. Это была свояченица хозяйина, сестра хозяйки Вера Григорьевна, служившая в мастерских местного худфонда, женщина тошная, курящая и нервная, в полном контрасте с неизменно благодушной сестрой. Мужа у неё не было, но была дочь, десятиклассница (Валя уже училась в МГУ), и однажды Александра Григорьевна пригласила в гости эту Иду, которая с разбегу так окунулась в бурные волны столичных наслаждений – рестораны, такси с кавказскими кавалерами, ночные визиты

¹ Именно в 1965 году бурно вспыхнуло то, что сейчас иронически окрестили победобесием.

² Как-то я был там в группе писателей и слышал слова Андрея Туркова, инвалида ВОВ, что статуя напоминает ему не русскую мать, а какую-то Брунгильду...

незнакомцев, что вскоре её вернули в Саратов. В будущем, когда мы с Идой иногда встречались на улицах, я уже не мог не оценить её ленивую русскую сексуальность.

Шли годы, и как-то обстоятельство привели меня в бухгалтерию Саратовского авиационного техникума, где за одним из столов увидел всё ещё привлекательную Иду. Мы вышли покурить, и она пожаловалась на мэра и других чиновников, которые не могут помочь дочери Кибальникова.

– Это ты про кого? – спросил я.

Ида запнулась, но продолжала:

– А ты как думал? Квартиру на Советской ведь мне оставили, только оформить не успели.

Родился Кибальников в селе Орехове, сейчас оно относится к Даниловскому району Волгоградской области, жителей там пять сотен, а некогда было слободой с пятью тысячами жителей, обреталось в Области Войска Донского, и в 1915 году там имелось волостное правление, заседатель, почтово-телеграфное отделение, кредитное товарищество, церковь, часовня, двухклассное сельское училище, начальное сельское училище, паровая и водная мельница.

Не знаю, часто ли, но Александр Павлович в Орехове бывал, во всяком случае однажды был задержан местной милицией, когда направлялся туда на своей «Победе» с водителем, и по чьему-то бдительному доносу был принят за цыганского барона, перевозящего своё добро на багажнике. Серьги в ухе конечно не носил, но смуглоту и жгучую чернь волос на голове и в курчавой бороде имел, так что никто не сомневался в реальности случая. И прозвище имел, конечно, Борода. Она с годами стала белоснежной. Что там говорить, был красив.

Характер имел соответственный, легко вспыхивал и гас, был груб, но не злопамятен. Успех и деньги не могли не сказаться. На открытии памятника Ленину потребовал дать стакан водки: «А то умру!», а пришедших к нему в гостиницу обкомовско-горкомовских дам выпроводил, сказав «Будете мне здесь воздух портить!». Отец рассказывал, как приезжая к любовнице-официантке, протягивал её мужу-инвалиду сотенную бумажку: «Погуляй часок». А от мамы я сам слышал, что Александра Григорьевна тайком откладывала деньги на тот день, когда он её бросит.

Мне очень нравилась Валя, особенно её голос, да и вся мягкость обращения. Она, считавшаяся очень некрасивой, однажды вышла замуж. Звали его Володя, он был в скульптурной бригаде отца, который надеялся было на внуков, но их так и не было.

Работала она редактором на студии «Мосфильм», и сейчас нередко вижу в титрах старых фильмов её фамилию. Слышал от неё про подругу, кинорежиссёра Искру Бабич, что замужем была за актёром Афанасием Кочетковым, и её «называли любимой ученицей Пырьева» (Википедия).

Я подошёл к ней в толпе, когда в ноябре 1986 года прямо за окном моего редакторского кабинета торжественно открывали памятник Федину работы отца. Была она в какой-то богатой шубе и мила мне как раньше, но это всё потом, а из детства вспоминаю, как однажды были с компанией на Сазанке. Увидев груды золотых сазанчиков, я взял одного и окунул в Волгу с целью оживить, что тот и сделал, вильнув на прощанье в воде хвостом, за что стоявший рядом дядя Саша так стал на меня орать, что мама еле уgomонила. А тот день закончился тем, что быстро налетела так называемая моряна – резкий низовой ветер. По команде Кибальникова всех быстро загрузили в чью-то гулянку. Отчётливо вижу, сидя с другими детьми на дне лодки, высоко надо мной стоящего во весь рост дядю Сашу, который кричит: «Не парусить! Легли на дно, не парусить!»